

византизмомъ, въ такой степени, что ихъ можно отнести къ чисто византийскимъ памятникамъ, нельзя сомнѣваться; но что же касается вопроса о русскомъ происхожденіи миниатюръ, вставленныхъ въ Гертрудіановскій кодексъ, то рѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ требуетъ большихъ доказательствъ, чѣмъ они представлены г. Газеловымъ.

Русская археологія можетъ быть благодарна г. Газелову, затронувшему весьма интересный вопросъ о древнѣйшихъ памятникахъ русской живописи. Г. Газеловъ съ своей стороны сдѣлалъ все то, что могъ, для уясненія этого вопроса при условіи работы за границей. Можно только пожелать, чтобы тѣ-же русскіе памятники, какъ и весьма важныя, интересныя и для русской исторіи и искусства вставныя миниатюры Гертрудіановскаго кодекса, нашли должную оцѣнку и изслѣдованіе въ русской научной литературѣ, не имѣющей еще до сихъ поръ специальныхъ монографій, посвященныхъ имъ.

Е. Рѣдичъ.

Харьковъ.

Январь, 1902.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

РОССІЯ.

А. П. Лебедевъ, *Историческіе очерки состоянія византийско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Отъ начала крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя въ 1453 году.* Изданіе второе, пересмотрѣнное. Москва. 1902. Стр. 489.

Въ книгѣ шесть главъ и одно приложение. Въ первой главѣ (стр. 1—44) излагается взглядъ на взаимное отношеніе церкви греческой и латинской въ теченіе XI—XV вѣковъ. Въ эти времена взаимное нерасположеніе церквей, возникшее въ IX вѣкѣ, прогрессивно возрастало, вслѣдствіе новыхъ столкновеній между греками и латинянами. Однимъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ отчужденію грековъ и латинянъ, были крестовые походы. Прежде всего, во время этихъ походовъ византийскую имперію наводнили разнаго рода западные предприниматели и выходцы съ экономическими задачами, сильно повредившіе экономическому благосостоянію имперіи. Захвативъ въ свои руки нѣкоторыя отрасли промышленности и торговли, западные выходцы дерзко и вызывающе относились къ грекамъ и возбудили въ нихъ большую къ себѣ ненависть. Затѣмъ, крестовые походы, какъ извѣстно, сопровождались грабежами, убійствами грековъ, разореніемъ городовъ, оскорбленіемъ православныхъ святынь и т. п. Въ 1185 году крестоносцы овладѣли Фессалоникой и подвергли ее совершенному опустошенію. Въ 1204 году былъ завоєванъ и Константинополь, который также былъ разоренъ и на половину сожженъ. Основавъ на его развалинахъ латинскую имперію, крестоносцы стали

сильно стѣснять и подавлять православную вѣру и церковь. Все это до крайности возмущало грековъ и возбудило въ нихъ ненависть къ латинянамъ въ высшей степени. Въ послѣдующее время непріязненное чувство грековъ разжигалось презрительными отзывами папъ (Адріана IV, Иннокентія III) и королей (Балдуинъ) о греческой церкви, какъ еретической. Византійскіе писатели (Анна Комнина, Никита Хоніатъ) въ свою очередь осуждали латинянъ. Непрѣязнь выразилась и въ богословской полемикѣ писателей латинскихъ (Гугонъ) и греческихъ, которые изобличали членовъ иной церкви въ различныхъ заблужденіяхъ. Но, тѣмъ не менѣе, связь между церквами еще не порвалась совершенно, и иногда съ той и съ другой стороны раздавались голоса въ пользу мира и любви; но они заглушались почти общимъ хоромъ голосовъ, иначе настроенныхъ, такъ что согласія и единенія между церквами не могло и быть.

Во второй главѣ (стр. 45—105) описывается религіозно-нравственный характеръ византійской имперіи. Предварительно авторъ ведетъ рѣчь о трудности исполнѣ безошибочно изобразить религіозное и нравственное состояніе византійцевъ, а затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ византійскихъ императоровъ XI—XV вѣковъ. «Странное зрѣлище, говоритъ авторъ, представляютъ византійскіе императоры изучаемой эпохи въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Это какое-то безконечное царство контрастовъ: добродѣтель и благочестіе то восходятъ на императорскій тронъ и отсюда дѣйствуютъ въ свойственномъ имъ духѣ, то будто совсѣмъ оставляютъ царскій тронъ. Одинъ византійскій императоръ благочестивъ, образцово-нравственъ, другой же, рядомъ слѣдующій, представляетъ собою чуть не чудовище нечестія и порока. Этого мало: одно и тоже царственное лицо дѣйствуетъ столь различно въ нравственно-религіозномъ отношеніи, что приходишь въ истинное удивленіе отъ такого соединенія подобныхъ крайностей. Смѣна и смѣсь добра и зла, смѣсь и смѣна неуловимая и постоянная—вотъ религіозно-нравственный характеръ царственныхъ лицъ разсматриваемаго періода. Показное благочестіе беретъ верхъ надъ благочестіемъ сердца... Словомъ, это какой-то свѣтъ во тьмѣ, причемъ тьма готова, нужно сознаться, объять свѣтъ» (стр. 47—48). Послѣ этой общей характеристики византійскихъ императоровъ, г. Лебедевъ отмѣчаетъ черты религіозно-нравственной жизни императоровъ: Алексѣя, Іоанна, Мануила и Андроника Комниновъ, императоровъ изъ династіи Ангеловъ, Іоанна Ватаци, Михаила Палеолога, Андроника II Палеолога и другихъ. Затѣмъ указываются черты нравственной жизни византійскаго общества и народа, причемъ отмѣчаются—недостатокъ сохраненія собственнаго достоинства, нарушеніе заповѣди о цѣломудріи, пьянство, хищничество и казнокрадство, склонность къ анархіи, непорядки въ совершеніи богослуженія, страсть къ суевѣріямъ и предрасудкамъ. Были, конечно, и свѣтлыя стороны въ религіозно-нравственной жизни народа, а именно: преданность право-

славію, храненіе церковныхъ уставовъ и т. п. Въ заключеніи главы профессоръ Лебедевъ пишетъ: «если станемъ безпристрастно оцѣнивать, чего больше было въ религиозно-нравственной жизни византійцевъ—хорошаго или худого, то, къ сожалѣнію, должны будемъ сознаться, что отъ стеченія различныхъ причинъ очень много зла накопилось въ греческомъ христіанскомъ народѣ изучаемыхъ вѣковъ» (стр. 104). Такимъ образомъ, темныя стороны въ жизни византійцевъ, по мнѣнію автора, преобладали надъ свѣтлыми.

Въ третьей главѣ (стр. 106—167) описываются отношенія византійской государственной власти къ церкви. Эти отношенія на языкѣ западныхъ писателей обыкновенно называются цезаропапизмомъ. Профессоръ Лебедевъ полагаетъ, что мысль о византійскомъ цезаропапизмѣ отчасти несправедлива, отчасти справедлива, — несправедлива тогда, когда въ отношеніяхъ византійскихъ императоровъ къ церкви, характеризуемыхъ терминомъ византизмъ, хотятъ видѣть какую-то систему, будто-бы принятую и утвердившуюся въ Византіи, какъ законъ, а справедлива въ томъ случаѣ, когда допускаютъ, что въ Византіи нормальныя отношенія государства къ церкви весьма часто переходили въ ненормальныя, и что здѣшніе императоры въ религиозныхъ дѣлахъ иногда брали на себя болѣе, чѣмъ сколько требовали благо и польза церкви. Значитъ, цезаропапизмъ не составляетъ подлиннаго признака византизма. Объ этомъ свидѣлствуютъ и протесты многихъ византійскихъ дѣятелей и писателей противъ вмѣшательства императоровъ въ дѣла церкви и противъ ихъ попытокъ быть не только царями, но и первосвященниками. Послѣ общей характеристики вопроса, профессоръ Лебедевъ переходитъ къ обзору замѣчательнѣйшихъ явленій, въ которыхъ въ то или другое царствованіе выразились отношенія государства къ церкви. Въ частности рѣчь идетъ о борьбѣ императора Алексѣя Комнина съ богомилами и павликіанами, о богословскихъ, при участіи Мануила Комнина, спорахъ касательно евхаристіи, какъ жертвы, по поводу изреченія «Отецъ болій Мене есть» и по вопросу о богѣ Магометовомъ, объ отношеніяхъ къ церкви Андроника Комнина, Исаака Ангела, Алексѣя III, Михаила Палеолога, Андроника Старшаго и другихъ.

Въ четвертой главѣ (стр. 168—366) описывается церковно-общественная дѣятельность патріарховъ, преимущественно константинопольскихъ, въ XI—XV вѣкахъ. Авторъ слѣдитъ за жизнью и трудами почти всѣхъ вселенскихъ патріарховъ отмѣченной эпохи, а затѣмъ характеризуетъ двѣ партіи, существовавшія въ нѣдрахъ византійскаго духовенства, — зилотовъ и политиковъ. Зилоты или ревнители были поборниками свободы и независимости церкви и требовали, чтобы государство отнюдь не посягало на права церкви и не вмѣшивалось въ сферу духовной власти. Они не желали дѣлать никакихъ уступокъ царской власти, когда послѣдняя домогалась ихъ не только въ личныхъ интересахъ, но и въ интересахъ государства, и считали точное соблюденіе церковныхъ догматовъ и

канонѣ обязательными для всѣхъ. Зилоты не отличались образованіемъ и на первомъ планѣ ставили добродѣтельную жизнь. Къ монахамъ они относились сочувственно. Партія политиковъ или умѣренныхъ, напротивъ, искала для церкви поддержки въ государствѣ, глубоко уважала государственную власть, охотно дѣлала ей уступки, даже въ ущербъ интересамъ церкви, высоко цѣнила просвѣщеніе, а въ нравственномъ отношеніи была не очень строга; въ своей дѣятельности партія опиралась не на монаховъ, а на бѣлое духовенство. Между этими партіями и происходили въ теченіе XI—XIV вѣковъ раздоры и столкновенія, возникшія еще въ предшествующую эпоху; участники борьбы имѣли поперебѣнный успѣхъ, въ зависимости отъ того, сторонникъ какой именно партіи въ данное время занималъ патріаршую кафедру. Профессоръ Лебедевъ весьма обстоятельно характеризуетъ зилотовъ и политиковъ въ умственной, научной и нравственной дѣятельности, говоритъ объ ихъ отношеніяхъ къ свѣтской власти, къ архіереямъ и клирикамъ, указываетъ періоды господства той и другой партіи и конецъ ихъ борьбы. Затѣмъ въ разсматриваемой главѣ говорится о матеріальномъ положеніи духовенства, постепенно ухудшавшемся къ концу эпохи, а въ заключеніи кратко обозрѣвается печальное состояніе въ XI—XV вѣкахъ патріархатовъ александрійскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго, находившихся подъ властью мусульманъ.

Въ главѣ пятой (стр. 367—445) рѣчь идетъ о духовномъ просвѣщеніи и богословской наукѣ въ Византіи въ XI—XV вѣкахъ. Просвѣщеніе находилось въ эту эпоху то въ расцвѣтѣ, то въ упадкѣ, въ зависимости отъ многихъ причинъ. Особенно пышный расцвѣтъ наукъ наблюдался въ XII вѣкѣ, при династіи Комниновъ, которые и сами любили просвѣщеніе, и оказывали самое широкое покровительство ученымъ и школамъ. Эпоха латинскаго господства въ Константинополѣ была временемъ упадка и просвѣщенія, а при Палеологахъ въ XIV в. оно опять вспыхнуло яркимъ пламенемъ. Просвѣщеніе носило богословскій характеръ по преимуществу, а затѣмъ пышнаго расцвѣта достигли философія и классическое языкознаніе. Представивъ общую характеристику византійскаго просвѣщенія и указавши выдающихся его представителей, профессоръ Лебедевъ обозрѣваетъ византійскіе литературные труды по обработкѣ отдѣльныхъ богословскихъ наукъ и, въ частности, говоритъ о сочиненіяхъ по священной экзегетикѣ (Евѣимій Зигавинъ), догматикѣ и полемикѣ (Зигавинъ, Никита Хоніатъ и Николай Меѳонскій), исторіи церкви (Никифоръ Каллистъ) и практическимъ наукамъ (Евстаѳій Солунскій и Николай Кавасила).

Въ главѣ шестой разсматриваемой книги (стр. 446—458) описывается паденіе Константинополя въ 1453 году.

Наконецъ, въ приложеніи (стр. 459—489) говорится объ «Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія въ Византіи давняго времени». Подъ такимъ обществомъ г. Лебедевъ разумѣетъ публичныя собранія визан-

тійскихъ богослововъ, на которыхъ произносились рѣчи на богословскія темы и происходили словесныя состязанія. Основателемъ такого рода собраній былъ Константинъ Великій, примѣру коего слѣдовали и многіе его преемники, такъ что почти вплоть до паденія Византіи можно отмѣтить проявленіе дѣятельности указанного общества. Собранія происходили во дворцѣ, въ присутствіи императоровъ, епископовъ, придворныхъ чиновъ и ученыхъ; ораторамъ нерѣдко выступали и сами императоры, а пренія носили очень оживленный характеръ. Профессоръ Лебедевъ яркими чертами изображаетъ дѣятельность византійскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, характеризуетъ ораторовъ, анализируетъ содержаніе рѣчей и отмѣчаетъ вліянія общества на развитіе византійскаго просвѣщенія.

Таково содержаніе интересной книги г. Лебедева, составляющей седьмой томъ собранія его церковно-историческихъ сочиненій.

И. С. Бердниковъ, *Основныя начала церковнаго права православной церкви*. Казань. 1902. Стр. 398. — Новая книга профессора Казанской духовной академіи И. С. Бердникова имѣетъ своей задачей установить и разъяснить основныя начала православно-церковнаго права, какъ богословской науки, въ противовѣсъ тому воззрѣнію, будто церковное право, какъ наука юридическая, должно отвергать самобытность церкви, какъ общественнаго союза, отрицать у церкви самостоятельныя правительственныя полномочія, дарованныя ей Христомъ Спасителемъ и Апостолами, и усвоить церковныя законодательно-судебныя права государственной власти. Профессоръ Бердниковъ, прежде всего, показываетъ въ своей книгѣ, что представленный отрицательный взглядъ на церковное законодательство противорѣчитъ истинному понятію о церкви, какъ автономномъ общественномъ союзѣ. Церковь Христова имѣетъ свою особую, стройную организацію, находится подъ невидимымъ главенствомъ Господа Иисуса Христа, видимымъ же образомъ управляется пастырями церковными, которымъ власть ввѣрена отъ Христа и апостоловъ. Она управляется по своимъ собственнымъ правиламъ, даннымъ ей отъ ея Основателя-Христа, апостоловъ и послѣдующихъ пастырей. Несмотря на особенность задачи, отличающую церковное общество отъ всѣхъ другихъ сферъ общежитія, не смотря на ея самостоятельность по происхожденію и внутренней жизни, оно, какъ явленіе общественнаго порядка, необходимо входитъ въ соотношеніе съ государствомъ. Государство, какъ устроитель правового порядка въ общежитіи, опредѣляетъ вѣбшее правовое положеніе церкви среди прочихъ сферъ общежитія, вводитъ ее въ систему государственныхъ учреждений, охраняетъ ея права и преимущества, даетъ свои санкціи ея правиламъ и уставамъ, признаетъ должностное положеніе представителей церковной власти. Такимъ образомъ, со стороны вѣбшне-правового положенія въ государствѣ церковь находится подъ охраной и опекой государственной власти. Но отъ этого церковь не обезличивается предъ государствомъ, не сливается

съ нимъ, а сохраняетъ самобытность своей внутренней жизни, автономію своей дѣятельности. Покровительствуя церкви, государство не можетъ вмѣшиваться въ внутреннія ея дѣла, не можетъ присвоить себѣ права законодательства и распоряженія въ этихъ дѣлахъ. Божественное происхожденіе церкви, священный характеръ церковной власти и церковныхъ правилъ должны удерживать государство отъ подобнаго рода посягательствъ. Постановленія церкви сами по себѣ имѣютъ обязательную силу для всѣхъ ея членовъ безъ всякаго внѣшняго утвержденія. Всякій членъ церкви по тому самому, что онъ принадлежитъ къ церкви, обязанъ повиноваться всѣмъ ея установленіямъ, какъ голосу Самого Христа. И въ такомъ положеніи находилось церковное законодательство въ продолженіе трехъ первыхъ вѣковъ христіанства. Съ поступленіемъ церкви подъ покровительство государства, при императорѣ Константинѣ Великомъ, постановленія ея получили силу гражданскихъ законовъ. Для полученія этого значенія они стали утверждаться санкціей государственной власти. Государство имѣетъ право законодательства относительно церкви, только это законодательство касается внѣшнихъ отношеній церкви къ государству и обществу, именно государственнаго положенія церкви, матеріальныхъ ея средствъ, монастырей, гражданскихъ правъ и преимуществъ клира, какъ извѣстнаго государственнаго состоянія, и пр. Здѣсь государство въ правѣ дѣйствовать самостоятельно, соображаясь съ общественными интересами, хотя и не можетъ оставлять безъ всякаго вниманія обычаевъ и преданій церковныхъ. Государственныя постановленія относительно внѣшняго положенія церкви и духовенства не принадлежатъ собственно къ церковнымъ законамъ, но такъ какъ они близко касаются дѣлъ церковныхъ и по необходимости обязательны для церкви, то, для удобства пользованія ими, въ древности вносились въ кодексъ церковныхъ законовъ наряду съ правилами церковными (стр. 24 — 36).

Раскрывши истинный взглядъ на церковное законодательство и на отношеніе къ нему законодательства государственнаго въ связи съ понятіемъ о церкви, профессоръ Бердниковъ обращается къ изложенію католическаго и протестантскаго ученія о церковномъ законодательствѣ и показываетъ, что ученіе о единствѣ источника церковнаго и государственнаго права и объ отсутствіи у церковной власти права законодательства есть копія съ протестантскаго вѣрованія и ученія о церкви и ея природѣ (стр. 37 — 64). Что же касается ученія православнаго, то и исторія церкви вполне подтверждаетъ раскрытое выше возрѣніе о томъ, что внутренняя жизнь и дѣятельность церкви находятся внѣ полномочій государства. Дальше профессоръ Бердниковъ и занимается научно-историческимъ обоснованіемъ своего основнаго тезиса. Онъ доказываетъ, что какъ въ первые вѣка христіанской эры, такъ и въ эпоху византійскую церковь имѣла автономію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ не только на практикѣ, но и въ самомъ законодательствѣ по церковнымъ

дѣламъ. Въ византійскихъ законахъ церкви отличалась отъ государства какъ особый общественный организмъ, имѣющій особую, отличную отъ государственной, задачу, — признавалась учительницей вѣры и установительницей церковныхъ правилъ, а государству усвоилось право возводить догматы вѣры и церковныя правила на степень государственныхъ законовъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ обязательными въ сферѣ государства; наконецъ, церковное управленіе и судъ по дѣламъ церковнымъ были, по византійскому законодательству, въ рукахъ церковной власти, какъ полномочіе, связанное съ священнымъ саномъ и утвержденное государствомъ. Въ виду такого характера византійскаго законодательства, рѣшительно не имѣетъ для себя основанія теорія полного поглощенія церкви государствомъ въ византійской имперіи и абсолютнаго полномочія императора въ дѣлахъ церковныхъ, — коей держатся нѣкоторые ученые (стр. 64 — 129).

Послѣ взятія Константинополя турками въ 1453 году, греко-восточная церковь подпала игу побѣдителей. Но перемѣна во внѣшнемъ положеніи церкви не коснулась ея внутренней жизни, которая и прежде шла, и теперь идетъ обычнымъ порядкомъ, съ сохраненіемъ автономіи во внутреннихъ дѣлахъ. Это профессоръ Бердниковъ и доказываетъ фактами изъ исторіи церкви константинопольской въ теченіе XVI — XIX вѣковъ. Въ частности, профессоръ отмѣчаетъ постановленія соборовъ 1663 и 1849 годовъ, коими предписывалось епископамъ подчиняться высшей гражданской власти только въ дѣлахъ государственнаго характера, а не церковнаго, приводитъ текстъ султанскаго берата, даннаго въ концѣ XVIII вѣка Константинопольскому патриарху Неофиту относительно его правъ и преимуществъ въ церковно-религіозныхъ дѣлахъ, представляетъ меморандумъ турецкаго правительства отъ 16 января 1856 года касательно автономнаго управленія православной церкви, описываетъ реформу внутренняго управленія православной церкви въ предѣлахъ Турціи на началахъ хатти-хумаюна 1856 года и слѣдитъ за судьбою автономіи константинопольской патриархіи до времени перваго патриаршества киръ Іоакима Третьяго (1878 — 1884 г.), который, охраняя права церкви, вынужденъ былъ даже оставить патриаршій престолъ (стр. 129 — 265).

Совершенно въ иномъ положеніи находится церковь въ конституціонныхъ государствахъ Балканскаго полуострова, образовавшихся въ XIX вѣкѣ, именно — въ Греціи, Румыніи, Сербіи и Болгаріи, а также въ Босніи, Герцеговинѣ и у австрійскихъ славянъ. Тогда какъ турецкое правительство еще воздерживается отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла подвластныхъ ему православныхъ христіанъ, православныя государства Балканскаго полуострова мало заботятся о мѣстной православной церкви и наносятъ большой вредъ ея правильной жизни, посредствомъ произвольнаго вторженія въ чуждую имъ область церковнаго строя. Они относятся къ православной церкви, какъ «худой господинъ къ своему слугѣ». Православная церковь разсматривается здѣсь какъ учрежденіе,

отжившее свой вѣкъ, и ненужное для благосостоянія государства. Она терпится какъ остатокъ старины, который трудно искоренить сразу, какъ учрежденіе, назначенное новѣйшей цивилизаціей къ уничтоженію. Вслѣдствіе этого, православная церковь въ конституціонныхъ государствахъ постепенно теряетъ то значеніе, какое принадлежитъ ей по идеѣ происхожденія и по праву и какое признается даже въ законодательныхъ актахъ этихъ государствъ. Правительства этихъ государствъ открыто стремятся сдѣлать церковь послушнымъ орудіемъ для своихъ собственныхъ цѣлей—національныхъ, политическихъ, либерально-культурныхъ и подчинить своему контролю ея устройство, управленіе и всю вообще дѣятельность, за исключеніемъ только охраненія догматическаго ученія. Все это глубоко печально, такъ какъ привноситъ въ дѣятельность церкви несвойственный природѣ ея мірской элементъ, человѣческія страсти, партійные взгляды и борьбу, нарушаетъ основной характеръ и задачи церковной жизни, колеблетъ ея автономію и самобытность. Съ точки зрѣнія православнаго каноническаго права, принципъ полновластія государства во всѣхъ дѣлахъ, не исключая и религіозныхъ, заслуживаетъ только осужденія, какъ не оправдываемый ни догмой права, ни исторіей (стр. 266—366).

Въ послѣдней главѣ книги профессора Бердникова (стр. 367—385) рѣчь идетъ о законодательствѣ русской церкви въ періодъ митрополичій, патріаршіи и синодальной, причемъ авторъ обстоятельно показалъ самостоятельность церкви въ этомъ отношеніи.

Въ заключеніи книги (стр. 386—398) раскрывается, что ученіе о гражданской власти, какъ «верхновомъ субъектѣ всякаго правообразованія (*summum principium ecclesiae*)», взято изъ протестантской каноники и только тамъ, а не въ православно-каноническомъ правѣ, имѣетъ свой смыслъ.

По своей ближайшей задачѣ книга профессора Бердникова есть трудъ учено-полемическій. Она написана въ отвѣтъ на рецензію профессора Суворова на «Краткій курсъ церковнаго права» профессора Бердникова, помѣщенную въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за августъ 1888 года, и образовалась изъ статей, одновременно помѣщавшихся въ «Православномъ Собесѣдникѣ».

В. Савва, Московскіе цари и византійскіе василевсы. Къ вопросу о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. Харьковъ. 1901. Стр. 400. — Въ предисловіи къ своему труду г. Савва говоритъ, что цѣль его — принести посильную лепту для разрѣшенія сложнаго и обширнаго вопроса о вліяніи Византіи на Русь, а задача — уяснить одинъ небольшой, но имѣющій свое значеніе отдѣлъ въ указанномъ вопросѣ, а именно — предполагаемое вліяніе Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. Книга состоитъ изъ семи главъ.

Въ главѣ первой (стр. 1—57) рѣчь идетъ о роли Софін Палеологъ, какъ проводника византійскаго вліянія въ Москвѣ. Здѣсь предварительно

разсматриваются взгляды различныхъ историковъ и ученыхъ (кн. Щербатова, Карамзина, Полевого, Соловьева, Костомарова, Иловайскаго, Бестужева-Рюмина, Забѣлина, Вешнякова, Иконникова, Терновскаго, Дьяконова, Успенскаго и о. Пирлинга) на значеніе брака Іоанна III съ Софіей Палеологъ, анализируются источники, обрисовывающіе Софью Палеологъ и ея вліяніе на Іоанна III, и отмѣчается ихъ неполнота, которая отразилась и на мнѣніяхъ изслѣдователей, далѣе излагается жизнь Софьи Палеологъ до пріѣзда ея въ Москву, опредѣляется отношеніе самого Іоанна къ «константинопольскому наслѣдству», чуждое того чувства довольства, которое обыкновенно Іоанну приписываютъ, и говорится о сферѣ вліянія Софьи Палеологъ въ Кремлѣ, причемъ авторъ въ заключеніи пишетъ слѣдующее: «всматриваясь въ памятники, обрисовывающіе личность Іоанна III, нельзя не замѣтить, что этотъ государь былъ выдающимся политикомъ, что его крупныя политическія дѣла не представляются только слѣдствіемъ вліянія на него Софьи; поэтому слѣдуетъ осторожно относиться къ показаніямъ нѣкоторыхъ современниковъ и близкимъ къ нимъ по времени свидѣтельствамъ, широко, но не всегда опредѣленно рисуящимъ сферу вліянія Софьи на супруга; въ противномъ случаѣ силуэтъ Софьи затемнитъ обликъ наиболѣе выдающагося политика изъ племени Калитъ» (стр. 57).

Во второй главѣ (стр. 58—93) опредѣляются пространство и характеръ власти византійскаго императора. Здѣсь, прежде всего, указываются разные взгляды на характеръ отношеній византійскаго императора къ церкви, а затѣмъ описываются отношенія къ церкви Константина Великаго и другихъ императоровъ, съ цѣлью показать, что они занимали такое положеніе въ церкви, какого московскіе государи никогда не имѣли, приводятся мнѣнія объ императорской власти канонистовъ Θεодора Вальсамона и Димитрія Хоматіана и свидѣтельства Никиты Хоніата, Георгія Акрополита и Никифора Григоры объ отношеніи императоровъ къ патріархамъ и къ дѣламъ церковнымъ; далѣе сообщается, что императоры византійскіе назывались святыми, владыками вселенной, совершали кажденіе въ храмѣ, вели учительныя бесѣды съ христіанами и принимали участіе въ совершеніи богослуженія; наконецъ, говорится о выходахъ византійскихъ императоровъ въ праздничные дни въ храмъ Святой Софії и объ отношеніи къ нимъ со стороны народа.

Въ главѣ третьей (стр. 94—109) сравниваются церковно-гражданскіе обряды византійскаго двора съ подобными обрядами двора московскаго причемъ авторъ провѣряетъ выводы по этому вопросу предшествующихъ изслѣдователей (Марковича, Каневскаго). Въ заключеніи главы авторъ поясняетъ, что между церковно-гражданскими обрядами московскаго и византійскаго дворовъ существовало различіе, которое рѣзко выставляетъ разницу въ идеяхъ власти византійскаго императора и московскаго царя, а это, въ свою очередь, обусловливало то, что «московскій царь не сталъ играть роли византійскаго императора».

Въ четвертой главѣ (стр. 110—157) говорится о происхожденіи и развитіи обряда вѣнчанія на царство московскихъ государей, причѣмъ и здѣсь авторъ старается показать отличіе московскаго чина отъ византійскаго.

Въ пятой главѣ (стр. 158—175) описывается обрядъ въ недѣлю Вайи въ Византіи и на Руси. И этотъ обрядъ, по мнѣнію автора, не могъ быть заимствованъ изъ Константинополя.

Въ шестой главѣ (стр. 176—270) рѣчь идетъ о московскомъ посольскомъ обрядѣ. Въ московскомъ государствѣ, пишетъ въ заключеніи главы авторъ, практиковались два обряда приѣма иноземныхъ пословъ: одинъ при приѣмѣ пословъ западно-европейскихъ государей, другой для мусульманскихъ пословъ. Первый созданъ и развитъ на почвѣ сношеній московскаго государства съ европейскими державами и въ основу его легла идея равенства и братства между государями. Въ этомъ заключалось его основное отличіе отъ посольскаго обряда азіатскихъ народовъ, въ которомъ выражалась другая идея — подчиненности и неравенства между государями. Не признавая подчиненности между независимыми государями, московскіе государи не только не представляются послѣдователями московскаго посольскаго обряда въ томъ видѣ, какъ онъ практиковался у татаръ, персовъ и другихъ восточныхъ народовъ, но, наоборотъ, насадителями западно-европейскаго посольскаго обряда, потому что соблюдали его въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми мусульманскими государями. То обстоятельство, что въ числѣ первыхъ пословъ Іоанна III на западъ Европы были и греки, прибывшіе въ Москву съ Софьей Палеологъ, не свидѣтельствуетъ о византійскомъ вліяніи на образованіе московскаго посольскаго обряда. Прибывшіе въ Москву съ Софьей греки не были въ этомъ отношеніи проводниками византійскаго вліянія; московскій посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ съ западною Европою, не заключалъ въ себѣ особенностей византійскаго посольскаго обряда, но включалъ въ себѣ черты того обычая принимать пословъ, который существовалъ на западѣ Европы. Греки, явившіеся въ Москву съ Софьей, играли роль московскихъ дипломатовъ болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ спустя послѣ паденія византійской имперіи. Они могли быть только свидѣтелями ея упадка и униженія; только лишь уроженцы второго Рима, они жили и, можно сказать, воспитались въ первомъ Римѣ; Софьины греки не сыграли видной роли въ Москвѣ, въ которой не они — представители павшаго второго Рима — увидѣли возродившійся третій Римъ. Ихъ видимъ только на первыхъ порахъ въ роли пословъ московскаго государя въ Италію, Германію, но и тутъ, на дипломатическомъ поприщѣ, ихъ замѣнили московскіе дипломаты. Татарское иго, вообще отразившееся на жизни русской, и сношенія московской Руси съ народами востока наложили только лишь извѣстный колоритъ на московскій посольскій обрядъ, который практиковался въ сношеніяхъ съ европейскими державами, но основныя черты этого обряда были такія же, какъ и на западѣ Европы.

Вліяніе татарское можно видѣть въ установившемся обычаѣ при московскомъ дворѣ, въ силу котораго послы западной Европы не допускались на аудіенцію къ царю при оружіи, равно какъ и московскіе послы, отправлявшіеся на западъ Европы, получали приказаніе являться на аудіенціи къ государямъ безъ сабель (стр. 269—270).

Наконецъ въ седьмой главѣ (стр. 271—400) излагаются доказательства, представлявшіяся московскими государями въ пользу права ихъ на царскій титулъ. Титулъ *царь*, впервые усвоенный себѣ Іоанномъ III, говоритъ авторъ, дѣлается постояннымъ титуломъ московскихъ государей при Іоаннѣ IV. Называя самихъ себя царями, московскіе государи, съ Іоанна IV, требовали, чтобы ихъ такъ титуловали и иностранные государи, съ которыми у нихъ были сношенія, указывая, въ случаяхъ непризнанія за ними кѣмъ либо изъ иностранныхъ государей царскаго титула, тѣ основанія, въ силу которыхъ ими былъ принятъ этотъ титулъ. Такимъ образомъ, отъ самихъ московскихъ царей можно узнать, на чемъ они основывали свои права на царскій титулъ (стр. 271). Разсмотрѣвъ далѣе основанія, которыя представлялись въ пользу усвоенія царскаго титула государями—Іоанномъ III, Василиемъ III, Іоанномъ IV, Феодоромъ Іоанновичемъ, Борисомъ Годуновымъ, Василиемъ Шуйскимъ, Михаиломъ Феодоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ, авторъ утверждаетъ, будто въ этихъ доказательствахъ нѣтъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы, что упомянутые Московскіе государи смотрѣли на себя какъ на преемниковъ византійскихъ императоровъ и на этомъ преемствѣ основывали свое право на царскій титулъ. Въ доказательство правъ своихъ на этотъ титулъ московскіе государи ссылались, во первыхъ, на царскія вѣнчанія Владиміра Святаго и Владиміра Мономаха, и во вторыхъ, на владѣніе царствами казанскимъ, астраханскимъ и сибирскимъ; когда же большинство европейскихъ дворовъ признало за московскими государями царскій титулъ, то государи эти стали основывать право свое на усвоенный себѣ титулъ и на этомъ признаніи (стр. 400).

Такимъ образомъ книга г. Саввы, касающаяся вопроса «о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти Московскихъ государей» и написанная съ цѣлью «принести посильную лепту для разрѣшенія сложнаго и обширнаго вопроса о вліяніи Византіи на Русь», совершенно отрицательно относится къ упомянутому византійскому вліянію и пытается путемъ сопоставленія московскаго царя съ византійскимъ василевсомъ, совсѣмъ порвать связь нашего отечества съ Византіей въ такой области, которая издавна считалась у насъ византійскимъ наслѣдіемъ. Но, конечно, вопросъ, затронутый г. Саввой, не перестаетъ быть вопросомъ и послѣ выхода въ свѣтъ его изслѣдованія; какъ, надѣемся, это и будетъ показано на страницахъ нашего журнала въ особомъ критическомъ этюдѣ.

Н. Суворовъ, *Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи*. Москва. 1902. Стр. 159.—Въ изслѣдованіи профессора Суворова рѣчь идетъ о византійскомъ патріархѣ Михаилѣ

Кируларіѣ, извѣстномъ въ исторіи, во первыхъ, своими мѣропріятіями противъ Рима, завершившими тотъ церковный разрывъ между востокомъ и западомъ, который подготавливался уже давно и при патріархѣ Фотіѣ выяснился съ достаточною опредѣленностью, но до половины XI вѣка практически не былъ проведенъ и иногда даже совсѣмъ забывался, во вторыхъ, своими попытками подчинить себѣ императорскую власть и поставить патріарха новаго Рима приблизительно въ тоже положеніе, какое создалось для епископа стараго Рима на западѣ. Правильное пониманіе всего образа дѣйствій Кируларія, равно какъ хода историческихъ событій начала второй половины XI вѣка невозможно, пишетъ г. Суворовъ, если имѣть въ виду только столкновеніе этого патріарха съ Римомъ, оставляя въ сторонѣ его отношеніе къ императорской власти и въ особенности его конфликтъ съ Исаакомъ Комниномъ, и, наоборотъ, если имѣть въ виду единственно эту церковно-политическую сторону дѣятельности Кируларія, оставляя въ сторонѣ его образъ дѣйствій по отношенію къ Риму. Только изученіе всей вообще дѣятельности Михаила Кируларія можетъ привести къ выясненію исторически-вѣрнаго образа этого, не имѣвшаго себѣ подобныхъ, константинопольскаго патріарха, который одновременно дѣйствовалъ въ столкновеніи и съ Римомъ, и съ императорскою властью. Между тѣмъ въ литературѣ до сихъ поръ мало обращалось вниманія на эту взаимную связь обоихъ моментовъ. Лишь недавно вышла книга, нѣсколько восполняющая указанный моментъ, а именно: Louis Bréhier, *Le schisme oriental du XI siècle*. Paris. 1899. Помимо иныхъ недостатковъ, въ сочиненіи Брейе можно находить произвольною и натянутою общую историческую концепцію дѣятельности Кируларія, который, по мнѣнію французскаго ученаго, систематически, шагъ за шагомъ, шелъ въ выполненіи широкаго, заранѣе обдуманнаго имъ, плана. Какъ извѣстно, Михаилъ Кируларій началъ свою карьеру съ заговора противъ императора Михаила IV Пафлагона и, въ случаѣ успѣшнаго исхода заговора, ему открывалась перспектива занятія императорскаго престола, такъ какъ онъ именно былъ заговорщиками намѣченъ въ качествѣ кандидата на тронъ. Заговоръ не удался, и Кируларій заплатился за него ссылкой, которая довела его до рѣшенія постричься въ монахи. Но, возвращенный изъ ссылки Константиномъ Мономахомъ и векорѣ послѣ того сдѣланный патріархомъ, Кируларій, по мнѣнію Брейе, сразу же составилъ себѣ опредѣленную программу дѣйствій, выработалъ себѣ ясный планъ, проводившійся съ неуклонною послѣдовательностью. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы рано или поздно упразднить императорскую власть и соединить въ своихъ рукахъ sacerdotium и imperium. Церковный разрывъ въ этомъ планѣ долженъ былъ служить однимъ изъ этаповъ, ведущихъ къ достиженію конечной цѣли. Кируларію, рассуждаетъ Брейе, нужно было сначала порвать съ западомъ для того, чтобы стать единымъ главою востока, соединяющимъ въ своихъ рукахъ господство и въ церкви, и въ государствѣ, можетъ быть, съ совершеннымъ упраздненіемъ импе-

раторской власти, можетъ быть съ удержаніемъ императорства, какъ хранителя или держателя матеріальной силы, на подобіе того, какъ со времени Григорія VII римскіе папы трактовали императорскую власть. Но концепція Брейе не есть неизбѣжный путь къ раскрытію разумной связи между отдѣльными дѣйствіями Кируларія. Можно не безъ успѣха и доказать, что Кируларій лишь послѣдовательно, толкаемый событіями, дошелъ до идеи восточнаго папства, которая безспорно проглядываетъ въ его образѣ дѣйствій, особенно за время царствованія Исаака Комнина. Затѣмъ, и въ отношеніи къ обстоятельствамъ церковнаго разрыва, Брейе судить пристрастно, не видя въ дѣйствіяхъ римскаго папы ничего немѣстнаго (стр. III—VI).

Исслѣдованіе г. Суворова имѣетъ цѣлью изложить и освѣтить фактическія данныя, которыя служатъ къ выясненію пѣльной личности византійскаго патріарха Михаила Кируларія, насколько она выразилась въ его церковно-политической дѣятельности. Разумѣется, авторъ не пишетъ біографіи патріарха, а лишь разсматриваетъ и оцѣниваетъ его дѣятельность съ историко-юридической точки зрѣнія. Поэтому его трудъ представляетъ собою этюдъ въ области исторіи церковнаго права. Онъ состоитъ изъ трехъ главъ. Въ главѣ первой (стр. 7 — 29) излагаются обстоятельства, предшествовавшія раздѣленію церкви при патріархѣ Михаилѣ Кируларіѣ. Во второй главѣ (стр. 29 — 79) описывается разрывъ востока съ западомъ при Кируларіѣ, а въ третьей (стр. 79 — 159) говорится объ отношеніи патріарха Михаила къ императорской власти послѣ разрыва съ Римомъ.

Исслѣдованіе профессора Суворова отличается прекраснымъ анализомъ деталей вопроса и читается съ интересомъ.

А. П. Лебедевъ, *О нашемъ символѣ вѣры. Разсмотрѣніе и тѣшеніе ученымъ протестантомъ одного важнаго въ исторіи православія вопроса, съ присовокупленіемъ новаго пересмотра того же вопроса.* Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1902. Стр. 62. — Въ брошюрѣ профессора А. П. Лебедева сначала излагается содержаніе статьи бреславскаго профессора Вильгельма Шмидта, подъ заглавіемъ: «Zur Echtheitsfrage des Nicaeno-Constantinopolitanum» (Neue Kirchliche Zeitschrift, 1899, Heft 12, S. 935 — 985), въ коей авторъ выступаетъ на защиту Константинопольскаго символа отъ нападокъ Горта, Гарнака, Каттенбуша, Лоофса, Зееберга, Гана, Нёсгена, Кунце и другихъ ученыхъ. Шмидтъ доказываетъ, что въ основѣ Константинопольскаго символа лежитъ не другой какой либо символъ (какъ думаютъ упомянутые ученые), а именно Никейскій, что онъ составленъ и утвержденъ отцами второго вселенскаго собора, коими и былъ провозглашенъ въ качествѣ вселенскаго символа, но по особымъ обстоятельствамъ времени не вдругъ пріобрѣлъ общеперковное значеніе. Примыкая къ воззрѣніямъ Шмидта, профессоръ Лебедевъ, въ свою очередь, вновь пересматриваетъ вопросъ о Никео-Константинопольскомъ символѣ и, на основаніи тщательнаго его обслѣдованія, приходитъ къ слѣдую-

щимъ выводамъ. Символь іерусалимскій, который протестантскими учеными полагается въ основу нашего символа, въ научномъ смыслѣ есть фикція и не долженъ находить мѣста въ разсужденіи символа Константинопольскаго, потому что къ этому онъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго отношенія. Такъ называемый символъ Епифаніевъ, который также считается «подготовительной работой» къ нашему символу, есть въ сущности псевдосимволь. Онъ обязанъ появленіемъ на свѣтъ простой случайности и ни для чего не нуженъ. Не изъ него возникъ нашъ Константинопольскій символъ, а онъ самъ изъ этого послѣдняго. Такимъ образомъ, профессоръ Лебедевъ утверждаетъ, что символъ Константинопольскій былъ непосредственнымъ преемникомъ Никейскаго въ актѣ творчества символовъ вселенскаго значенія. Значитъ, пора оставить разсужденія о какихъ-то символахъ Іерусалискомъ и Епифаніевомъ, которые выдуманы съ тенденціозной цѣлью протестантскими учеными.

Брошюра профессора Лебедева вполне заслуживаетъ того, чтобы западные ученые обратили на нее свое вниманіе и высказались по поводу оригинальныхъ и основательныхъ сужденій нашего ученаго. Она предварительно была напечатана въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1902 годъ (январь и февраль).

И. Соколовъ, *Церковно-религіозная и общественно-бытовая жизнь на православномъ греческомъ востокѣ въ XIX вѣкѣ*. Историческій очеркъ. С.-Петербургъ. 1902. Стр. 83. — Въ очеркѣ отмѣчаются особенности въ устройствѣ храмовъ и совершеніи богослуженія на греческомъ востокѣ, сравнительно съ нашими, предложена характеристика мѣстной церковно-религіозной жизни, описывается дѣятельность католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ на греческомъ востокѣ въ XIX вѣкѣ, сообщается о мѣстныхъ фанатикахъ на церковно-религіозной почвѣ и либералахъ, говорится о благотворительной дѣятельности и отмѣчаются нѣкоторыя бытовые особенности мѣстнаго населенія. Этюдъ служитъ заключительной главой къ «Очеркамъ исторіи православной греко-восточной церкви въ XIX вѣкѣ» того же автора, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1901 году, и первоначально печатался въ «Христіанскомъ Читеніи» (1902 г., май, августъ и сентябрь).

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Ἡ ἐκκλησία τῶν Ἱεροσολύμων κατὰ τοὺς τελευταίους τέσσαρας αἰῶνας. 1517—1900. Ἀθήνη. 1900. Рецензія въ Странникѣ, 1902, мартъ, стр. 602 — 606.

Священникъ Іоаннъ Дроздовъ, Очерки по всеобщей церковной исторіи. Выпуски первый и второй. Иркутскъ, 1899 — 1901. Рецензія тамъ же, апрѣль, стр. 808 — 810.

А. П. Лебедевъ, Очерки внутренней исторіи византійско-восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ. Изданіе второе, дополненное. Москва. 1901. Рецензіи: въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1901, декабрь, стр. 1230—1233;

въ ж. Вѣра и Церковь, 1901, кн. 10, стр. 901—907; въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1901, № 48, прибавленія, стр. 1776 — 1777. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 608.

Епископъ Кирионъ, Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX столѣтіе. Тифлисъ. 1901. Рецензія: въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1901, № 47, прибавленія, стр. 1735—1738; въ Странникѣ, 1902, январь, стр. 192 — 193. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 622.

А. Аннинскій, Исторія армянской церкви до XIX вѣка. Кишиневъ, 1901. Рецензія въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1901, № 47, прибавленія, стр. 1738 — 1740. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 205, 232.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Томъ VI, выпуски 2 — 3. Софія. 1901. Рецензія въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1901, декабрь, стр. 1211—1213. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 639.

Архіепископъ Сѣргій, Полный мѣсяцесловъ востока. Т. 1 — 2. Изданіе второе, исправленное и много дополненное. Владиміръ. 1901. Рецензія: въ Христіанскомъ Читеніи 1901, декабрь, стр. 1002 — 1004; въ Странникѣ, 1901, декабрь, стр. 1048 — 1050. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 633, 644.

Византійскій Временникъ, издаваемый Императорской Академіей Наукъ подъ редакціей В. Э. Регеля, томъ VIII, вып. 1 — 2. Спб. 1901. Рецензія въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1902, январь, стр. 331 — 333.

П. Лепорскій, Исторія ессалоникскаго экзархата до времени присоединенія его къ константинопольскому патриархату. Спб. 1901. Рецензія тамъ же, стр. 355 — 357. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 611, 645.

Посланія св. Игнатія Богоносца въ рускомъ переводѣ прот. *П. А. Преображенскаго*. Спб. 1902. Рецензія въ ж. Вѣра и Церковь, 1901, кн. 10, стр. 907 — 908.

И. С. Бердниковъ, Основныя начала церковнаго права православной церкви. Казань. 1902. Рецензія въ Странникѣ, 1902, апрѣль, стр. 418 — 412. См. выше стр. 220.

Heinrich Gelzer, Geistliches und Weltliches aus dem türkisch-griechischen Orient. Leipzig. 1900. Рецензія тамъ же, стр. 815 — 817. См. Виз. Врем., VIII (1901), стр. 247.

А. А. Васильевъ, Византія и Арабы. Спб. 1900. Рецензія **С. Jireček** въ Archiv für slavische Philologie, 24 (1902), стр. 615—616. См. Виз. Врем., VII (1900), стр. 500, 772; VIII (1901), стр. 234, 645.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНИЯ.

Byzantinische Zeitschrift, herausgeg. von *K. Krumbacher*, Band XI, Heft 1 u. 2, 1902 г.

Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 1 — 134) помѣщены слѣдующія статьи:

K. Prächter, *Zu Chorikios* (стр. 1 — 3). — Показывается на одномъ мѣстѣ Хорикія (въ защитительной рѣчи Мильтіада, изд. Ферстеромъ въ